

А. В. Петров

ПЕРВЫЙ ЮБИЛЕЙ АНДРЕЯ ЮРЬЕВИЧА ДВОРНИЧЕНКО

5 июня 2007 года доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой истории России с древнейших времен до XX в. и декану исторического факультета СПбГУ Андрею Юрьевичу Дворниченко исполнилось 50 лет.

По старинной академической традиции пятидесятилетие считается первой в жизни ученого юбилейной вехой, позволяющей публично обсуждать значение его профессиональной деятельности и личный вклад в науку.

А. Ю. Дворниченко родился на юге России, в старинном казацком крае, в Ставрополе, в интеллигентной русской семье. Мама, Любовь Васильевна, — врач-терапевт, отец, Юрий Алексеевич, — инженер-строитель. Большую роль в воспитании будущего ученого сыграли также его дедушка, Василий Николаевич, и бабушка, Ольга Андреевна, по профессии — педагоги.

Историей Андрей Юрьевич увлекся в отрочестве; старшеклассником принимал участие в археологических экспедициях, во время которых общение с учеными из Ленинграда (профессором А. В. Гадло и другими) еще больше укрепило юношу в желании посвятить себя исторической науке.

Окончив школу в 1974 году, Андрей Юрьевич приехал в Ленинград поступать на исторический факультет Университета. Тогда, в 1970-е годы, конкурс на этот факультет был исключительно высоким, и поступить туда было непросто. Наряду с увлеченными идеалистами, к числу которых относился Андрей Юрьевич, исторический факультет ЛГУ притягивал к себе и молодых людей, в первую очередь думавших о карьерных выгодах, связанных с «идеологическим» образованием... Хорошо подготовленному юноше лишь со второй попытки в следующем году удалось стать студентом-историком.

С момента поступления в Университет и до настоящего времени связь Андрея Юрьевича с нашей профессией не только никогда не прерывалась, но становилась все более основательной, — ученик превратился в мэтра.

В период своего студенчества (1975–1980) А. Ю. Дворниченко специализировался по кафедре истории России с древнейших времен до XX века, в ту пору носившей несколько неожиданное название — кафедры истории СССР — и возглавлявшейся замечательным русским историком Владимиром Васильевичем Мавродиным. В спецсеминаре последнего и происходило становление начинающего исследователя.

В 1980 г. А. Ю. Дворниченко был оставлен в аспирантуре. В 1982 г. он стал ассистентом кафедры, в 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию: «Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв.» (научный руководитель И. Я. Фроянов). В 1993 г. А. Ю. Дворниченко защитил по монографии докторскую диссертацию¹, в 1995 г. стал профессором, в 2002 г. — деканом исторического факультета, а в 2003 г. возглавил кафедру истории России с древнейших времен до XX в., которую некогда окончил.

Я познакомился с Андреем Юрьевичем в самом начале 80-х годов. Он запомнился мне доброжелательным и общительным молодым человеком, чья склонность к шутке и юмору нисколько не противоречила природной серьезности и ориентированности на научный поиск. Он глубоко понимал необходимость сомнений, постоянной проверки как собственных, так и преподаваемых ему мнений, и дорожил свободой мысли. У него было нешаблонное восприятие жизни и культуры, характеризуя которое, достаточно сказать, что его любимым режиссером был А. Тарковский, а любимым фильмом — «Андрей Рублев», «единственный исторический фильм», по его мнению.

Вопрос о наставниках и той научно-исследовательской традиции, в пределах которой самоопределяется ученый, исключительно важен для понимания его творчества и личного вклада в науку.

Понятия «учитель» и «ученик» имеют смысл прежде всего в отношении общавшихся друг с другом современников и во многом — как категории *субъективной* диалектики. Как бы мы ни преклонялись перед В. О. Ключевским, С. Ф. Платоновым, А. Е. Пресняковым и другими, давно ушедшими из жизни великими историками, называть их своими учителями мы можем только в порядке своеобразной благоговейной метафоры.

С другой стороны, определять того, кто является его «учителем» в науке — преимущественное право «ученика». Ведь категории, о которых идет речь, содержат в себе нравственно-психологическую составляющую и должны в той или иной мере отражать отношения личного уважения и духовной близости. На протяжении активной и долгой творческой жизни «учителями» могут восприниматься разные авторы. Такие примеры в истории науки и общественной мысли есть.

В начале 1990-х гг. своим учителем в науке Андрей Юрьевич в первую очередь считал И. Я. Фроянова, констатируя, что учился также у В. В. Мавродина и Ю. Г. Алексеева². На более позднем этапе профессиональной деятельности и перманентной (для каждого сколько-нибудь серьезного ученого) творческой саморефлексии А. Ю. Дворниченко, подчеркнув, что «концепция Фроянова — закономерное развитие определенных тенденций отечественной историографии как дореволюционного времени, так

¹ Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.): Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993.

² Там же. С. 4.

и 30-х годов», счел необходимым поставить вопрос о сформировавшейся на кафедре истории России исторического факультета СПбГУ «школе Мавродина и Фроянова», в которую, по его мнению, наряду с ним входят А. В. Петров, Ю. В. Кривошеев, И. Б. Михайлова и А. В. Майоров³.

Связанное с расхожими понятиями об «учителе» и «учениках» понятие о «научной школе» (или направлении в науке) может и должно быть полностью свободным от субъективно-психологической компоненты; ему суждено отражать объективную данность. Объективный фундамент научной школы прежде всего образуется концептуальной близостью трудов входящих в нее специалистов. Понятие «школы» необходимо как инструмент исследовательских обобщений, поскольку ни в историографическом, ни в собственно историческом анализе никак не обойтись без четкого осознания особого значения научной преемственности, без осознания того кардинального факта, что вообще прогресс в науке немислим вне *объективной* связи методов и идей. Можно сказать, что само существование науки проявляется в традиции:

«Традиция — это форма организации огромного числа индивидуальных волей в единый творческий проект. В любой области, будь то культура, наука, экономика, политика, государственное строительство, действительно важные вещи создаются усилиями многих и многих людей. Даже гении в науке или искусстве не приходят на пустое место, а стоят на плечах у предшествующих поколений, отталкиваются от того, что сделано ими. Традиция позволяет связать в одно целое усилия не только современников, но и людей, принадлежащих разным поколениям, наладить спонтанное сотрудничество и взаимопонимание людей, которые никогда не встречались и не встретятся друг с другом»⁴.

Следует подчеркнуть, что основное правило и одновременно важнейшее условие овладения научной традицией состоит в ее восприятии *как целого*, в полном ее объеме.

У каждого настоящего историка-исследователя — свое *историографическое кредо*, свое, *необходимое для авторского труда*, представление о путях, формах и результатах приращения знаний в интересующей данного специалиста области и, в соответствии с этим, свое видение отправного пункта и задач собственного творчества.

Поэтому особенно важно *корректно* определять сущность и место в науке той или иной исследовательской традиции.

Тем более это важно *сейчас*. Я уже делился своим убеждением, что новейшая отечественная историческая мысль, напряженно ищущая и во многом переписывающая недавние свои страницы, отличается плюрализмом подходов и решений. Она строит себя как систему, но как систему особого рода. Насущной потребностью нашей историографии является разработка — вглубь и вширь — фундаментальных концепций русской истории, *опирающихся на все богатство исторического и методологического знания*. Ныне, как, может быть, никогда ранее, необходимо четкое выявление исследовательских противоречий и единства взглядов по тем или иным вопросам; необходимо возрождение научных школ, как заявивших о себе в дореволюционный период, так и возникавших в советские десятилетия, равно как необходимо полноценное бытие школ,

³ Дворниченко А. Ю. Кафедра истории России с древнейших времен до XX века // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: Очерк истории / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 74 и след.

⁴ Корнев С. Постмодерн-фундаментализм. М., 1999. С. 34 и др.

могущих возникнуть в наши дни. На символическом «Ярославовом дворе» современной русской науки идет оформление больших «партий». Их конструктивная полемика — стержень исторического познания и стимул постановки новых исследовательских задач.

В современной исторической литературе выделение направлений в историографии иногда подчиняется определенным конъюнктурным соображениям. В некоторых оценках присутствует либо апологетический, либо, напротив, «разоблачительный» пафос. Кроме того, как ни удивительно, в моду стали входить сочинения «историографических папарацци», подменяющих анализ научных взглядов и методологических парадигм субъективными и поверхностными рассуждениями на тему: кто чей «ученик», кто к кому как относится, и т. д.

В свою очередь, выделение историографических направлений нередко бывает лишено масштабного видения процесса накопления исторических знаний. О фундаментальных научных традициях, которым некогда на законных основаниях принадлежал «центр исследовательского поля» в изучении русского Средневековья, могут писать как о начавшихся сравнительно недавно, основанных в виде искусственной «альтернативы», или как о находящихся чуть ли не на обочине исторической науки.

Еще в XIX в. в отечественной историографии возникла традиция изучения вечевого народовластия, городов-земель, общинной самодеятельности Древней Руси, «земского начала» русского Средневековья. Развивавшие в разное время данную традицию историки были едины в ряде важных концептуальных положений. Достаточно сказать, что политический строй Древней Руси с близких позиций оценивали: В. И. Сергеевич, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов, А. Е. Пресняков, Г. В. Вернадский (перечень далеко неполон), а из современных ученых — И. Я. Фроянов, Ю. В. Кривошеев, А. В. Майоров, И. Б. Михайлова, В. В. Пузанов, другие специалисты. Именно в эту исследовательскую традицию вписываются труды А. Ю. Дворниченко, посвященные проблемам древнерусской истории.

В монографии, исследующей долгий профессиональный путь кафедры русской истории Санкт-Петербургского университета, Андрей Юрьевич, успевший зарекомендовать себя знатоком отечественной историографии⁵, писал:

«Итоги изучения Киевской Руси в дореволюционной историографии были подведены в работах двух петербургских историков — А. Е. Преснякова и Н. П. Павлова-Сильванского. В их трудах нашли себе место, органично сочетаясь, разные тенденции отечественной историографии, в том числе и земская, общинная традиция, всегда сильная в русском общественном сознании и исторической науке. Н. П. Павлов-Сильванский весь период Киевской Руси считал земским, общинным, а начало феодального периода относил ко времени не ранее XIII в. В советской историографии под влиянием ряда причин... феодальный период весьма удревели, а земские, общинные традиции отодвинули на задний план. В конечном итоге под пером советских историков российский исторический процесс утратил динамизм, фактически утонув в безбрежной «феодальной формации», длившейся с IX по XIX в. Впрочем, в период утверждения новой концепции — в 30-е годы — рядом историков высказывались серьезные возражения против удревления феодализма и игнорирования архаических явлений в древнерусской

⁵ Из историографических трудов ученого прежде всего отметим монографию: Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. СПб., 2001.

истории. Среди этих историков был прежде всего В. В. Мавродин, что нашло отражение и в его гораздо более поздних работах⁶.

Мы вправе констатировать, что обильная литература, существующая на русском языке с XVIII в. и посвященная русскому Средневековью, несмотря на весь размах и все разнообразие новейшего книгоиздания, все еще недостаточно известна. Широкие круги читательской аудитории с ней, все-таки, знакомы поверхностно, а современные исследования подчас не дотягиваются до уровня дореволюционных штудий, проигрывая последним по целому ряду параметров.

Итак, с одной стороны — богатое наследие, а с другой — не востребованность его. Многие аспекты историографического потенциала, наработанного поколениями наших предшественников, сегодня не взысканы вовсе или осваиваются не в должной мере. В связи с этим еще и сегодня особое значение сохраняют исследования, восстанавливающие «связь времен» в исторической науке, прослеживающие преемственность ключевых линий развития, объективную эволюцию концепций, логику постановки и раскрытия важнейших проблем.

Важнейшую роль в восстановлении «связи времен» в науке о русском средневековье в современной исторической литературе сыграли труды И. Я. Фроянова⁷. Подход этого ученого к истории Древней Руси — «не что иное, как возвращение на новом уровне развития науки к магистральной и, на наш взгляд, правильной линии развития отечественной историографии. Он показал, сколь сильна была община в древнерусскую эпоху»⁸. Поэтому Андрей Юрьевич оказался среди сторонников данного подхода.

В своей кандидатской диссертации «Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв.» Андрей Юрьевич рассмотрел процесс формирования городов-государств в названном регионе и их дальнейшие судьбы в период XIII–XV вв. Получила глубокую и развернутую аргументацию концепция, согласно которой возникшие здесь города-государства «были общинными образованиями, союзами общин», а феодальные отношения в виде сколько-нибудь сложившейся социальной системы отсутствовали. И «именно развитие феодализма — основная причина разложения волостного единства, раскола в городской общине, именно это основная причина распада города-государства».

Что же касается влияния на древнерусский городской строй магдебургского права, то, по убеждению Андрея Юрьевича, оно «выразилось в том, что уже после того, как процесс разложения волости достиг высокой степени, магдебургское право дало готовые формы перестройки городской жизни, что в свою очередь ускорило процесс распада прежнего городского строя. Впрочем, и применение норм магдебургского права не делало этот процесс легким и безболезненным»⁹.

⁶ Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004. С. 331–332. — См. также: Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. С. 64 и др.

⁷ Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; 3) Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990; 4) Начало христианства на Руси. 2-е изд. Ижевск, 2003; 5) Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999; 6) Начала русской истории: Избранное. М., 2001; 7) Города-государства Древней Руси. Л., 1988 (в соавторстве с А. Ю. Дворниченко). — Указаны монографии 1970–1980-х гг.

⁸ Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Указ. соч. С. 332.

⁹ Дворниченко А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.

Взгляды И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко на кардинальные основания социально-политического строя Древней Руси были обобщены в их совместной монографии, вышедшей в свет в 1988 году¹⁰. Несомненно, что эта книга имеет особое значение для современного ее выходу оформления той исследовательской традиции, которую она развивает. Географически данная монография охватывает все древнерусские земли, показывая становление в них городов-государств, общее и особенное в политическом устройстве древнерусских волостей¹¹. Поэтому неслучайно, что докторская диссертация Андрея Юрьевича задумывалась ее автором как продолжение труда о городах-государствах Древней Руси¹².

Какова судьба исследовательской традиции, о которой идет речь, в *самом новейшем* историографическом контексте? Во-первых, в последние два десятилетия продолжились древнерусские исследования И. Я. Фроянова¹³. Во-вторых, появилась серия монографий, *весьма разных*, но, несомненно, характеризующихся определенной концептуальной общностью. В данную серию входят и уже упомянутая докторская монография А. Ю. Дворниченко — она стала первой в серии, — и книги его коллег¹⁴. В 1970–1980-е гг. восстановление «связи времен» в исследованиях русского Средневековья осуществлялось в рамках марксистской методологической парадигмы. Девяностые годы принесли возможность объяснять явления древнерусской истории без оглядки на методологическую ферулу.

Историографическое направление, приверженцем которого стал А. Ю. Дворниченко, не имеет строгих рамок, что совершенно естественно для развития «школ» в историографии. Оно не является сейчас и, вероятно, не будет в обозримом будущем единственным в науке о русском Средневековье; выходят в свет и многочисленные исследования оппонентов. Когда не соглашающиеся друг с другом авторы соблюдают правила и нормы академической корректности (во всех аспектах этого емкого понятия), различные точки зрения следует только приветствовать: современная историографическая культура плюралистична.

На мой взгляд, исследования А. Ю. Дворниченко вносят существенный вклад в историографию русского Средневековья. Ученый признал, что ему именно «концепция

¹⁰ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси.

¹¹ Ср.: Дворниченко А. Ю. Кафедра истории России с древнейших времен до XX века. С. 72.

¹² Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского... С. 3.

¹³ Фроянов И. Я. 1) Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992; 2) Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. СПб., 1995; 3) Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996; 4) Былинная история: (Работы разных лет). СПб., 1997 (в соавторстве с Ю. И. Юдиным).

¹⁴ Пузанов В. В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X–XII вв. в отечественной историографии XVIII — начала XX в. Ижевск, 1995; Кривошеев Ю. В. 1) Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999 (2-е изд. — СПб., 2003); 2) Гибель Андрея Боголюбского: Историческое расследование. СПб., 2003; Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период: Князь, бояре и городская община. СПб., 2001; Петров А. В. От язычества к Святой Руси: Новгородские убоицы: (К изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003; Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI века: Очерки социальной истории. СПб., 2003; Долгов В. В. 1) Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI–XIII веков. Ижевск, 1999; 2) Древняя Русь: Мозаика эпохи: Очерки социальной антропологии общественных отношений XI–XVI вв. Ижевск, 2004; Долгов В. В., Котляров Д. А., Кривошеев Ю. В., Пузанов В. В. Формирование российской государственности: Разнообразие взаимодействий «центр — периферия»: (Этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург, 2003.

городов-государств позволила по-иному взглянуть на историю огромного и важного региона и сподвигла на изучение русских земель Великого княжества Литовского — незаслуженно забытого в советской историографии государства»¹⁵.

Анализ всей совокупности исследовательской литературы, посвященной различным аспектам истории Западной Руси и Великого княжества Литовского, восстановление «связи времен» в этой области исследований позволили Андрею Юрьевичу утверждать, что одним из достижений дореволюционной науки «был вывод о долгом сохранении земских традиций в общественной жизни, праве западнорусских земель, о медленном, постепенном развитии государственности»¹⁶.

В трудах Андрея Юрьевича получил развернутую аргументацию тезис, согласно которому

«...федеративный характер Великого княжества Литовского обусловил сохранение... городов-государств на протяжении длительного времени, прежде всего, в северо-западном регионе (Полоцкая, Витебская, Смоленская земли)... Мы можем говорить об общинном строе на территории русских земель Великого княжества Литовского XIII–XVI вв. Лишь постепенно под влиянием новых явлений в общественной жизни этот строй разрушался, в ряде случаев продолжая сохраняться в существенных своих чертах... “Княжества” (военно-служилые государства) возникали в первую очередь там, где быстрее утрачивали свою роль и влияние городские общины»¹⁷.

Особое внимание в своих трудах Андрей Юрьевич уделил конкретному показу процесса постепенного формирования в западнорусских землях «сословий», всестороннему выяснению их эволюции и специфики. Первоначально эти «сословия» не были замкнутыми образованиями и носили «служилый характер». Причем «служба», о которой идет речь, «ничего общего не имела с феодальными отношениями»¹⁸. «Служебная система», известная и по истории центральнойвропейских стран, а равно и весь строй социальных связей, ею опосредованный, были разрушены постепенным ростом крупного «иммунизированного» землевладения. Иммунитет явился «той силой, которая формировала в Западной Руси крупное землевладение, одновременно способствуя распаду общества на сословия»¹⁹. Причем, долгое время «шляхетское сословие» не обособлялось от остальной массы населения, и решающий перелом в данном отношении произошел уже на протяжении XVI столетия²⁰.

Ядро разработанной Андреем Юрьевичем концепции истории литовско-русского Средневековья образуют суждения ученого о многовековой эволюции государственности в изучаемом регионе. В начале этой эволюции находятся *города-государства*, *города-общины*. Им на смену в XIII–XV вв. приходят «княжества» — новый тип государственных образований, выросших на основе разросшихся «служебных отношений».

¹⁵ Дворниченко А. Ю. Кафедра истории России с древнейших времен до XX века. С. 74. — «В дореволюционный период историография Западной Руси стала живым, разветвленным деревом, выросшим рядом с историографией Северо-Восточной Руси. В советский период это дерево, к сожалению, завяло» (Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (До начала XVI в.): Основные черты социального и политического строя: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1993. С. 5–6).

¹⁶ Там же. С. 5.

¹⁷ Там же. С. 7, 9.

¹⁸ Там же. С. 14.

¹⁹ Там же. С. 18.

²⁰ Там же. С. 11.

Такая государственность появилась как реакция на внешнюю угрозу. «Военно-служилое государство», как назвал данное явление Андрей Юрьевич, — переходный тип. Оно не было феодальным. Его «изнутри» стала разрушать «сословная» («сословно-аристократическая») государственность, олицетворившая следующую стадию процесса. Однако в ходе Освободительной войны 1648–1654 гг. «сформировавшаяся сословно-аристократическая государственность была сметена на Левобережной Украине казацкой вольницей, унаследовавшей традиции Древней Руси», и ее развитие «начинается как бы заново», повторяя многое из того, «что происходило здесь в XIII–XV вв.»²¹.

Представленная в исследованиях Андрея Юрьевича масштабная реконструкция важнейшего исторического движения впечатляет²². Разработанная ученым концепция «военно-служилого» государства демонстрирует свой плодотворный характер, приобретая новых сторонников²³. Сильной стороной трудов Андрея Юрьевича является использование центральноевропейского исторического материала и выяснение общих черт исторического развития близко друг к другу расположенных регионов Европы. Последнее обстоятельство вписывает эти труды в широкий спектр *славяноведческих* исследований в обоих смыслах данного понятия: и в смысле *славяно-русских* штудий, и в смысле изучения *зарубежного* славянства.

Осознавая свою причастность к историческому славяноведению, Андрей Юрьевич глубоко понял также и необходимость воссоздания в СПбГУ *специального историко-славяноведческого образования*. У профессионального цеха, задачей которого стала бы научная и учебная специализация в данной области знаний, в Санкт-Петербургском университете весьма давние и славные традиции²⁴. Превратности судеб нашей страны, науки и высшей школы в XX в. привели к тому, что в течение многих десятилетий вплоть до 2002 г. на историческом факультете такого подразделения не было.

«Организатором науки, — говорил Д. С. Лихачев, — нельзя быть со стороны — сверху, снизу или сбоку. Организатором науки может быть только человек науки»²⁵. Андрею Юрьевичу оказалось по плечу решить вопрос громадной научной и педагогической значимости — он создал кафедру истории славянских и балканских стран и стал ее первым заведующим.

Уже одно это свершение способно вписать имя профессора А. Ю. Дворниченко в историю нашего Университета. Но время для «установки памятника» явно еще не наступило: впереди у полного сил, — многообещающего ученого и организатора долгие годы активной деятельности. Остается пожелать нашему коллеге благополучия и дальнейших творческих успехов.

²¹ Там же. С. 29.

²² Наряду с докторской монографией и ее авторефератом, в частности, см.: Дворниченко А. Ю. 1) О ранних казацких сообществах // Исторический опыт русского народа и современность: Мавродинские чтения. СПб., 1994. С. 107–110; 2) К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 294–318; 3) Отечественные историки о государственном строе Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. // Вестник СПбГУ. 1996. Сер. 2. Вып. 1 (№ 2). С. 3–14.

²³ См.: Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси... С. 9 и след.

²⁴ См.: Аржакова Л. М. Кафедра истории славянских и балканских стран // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: Очерк истории / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 262–277.

²⁵ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 564.